

В 2018 году исполнилось 80 лет с «Хрустальной ночи», как мягко называют ночь 10 ноября 1938 года.

И 85 лет с 10 мая 1933 года — дня, когда сначала в Берлине, а затем и в других городах запылали костры из книг; в Майнце это произошло 23 июня. О роли политического и литературного кабаре в годы деспотизма национал-социалистов рассказал Себастьян Хаффнер в своих мемуарах, опубликованных уже после его смерти — «История одного немца».

Конечно, тот факт, что мы не смогли сделать с чувством смертельного страха и беспомощности ничего лучшего, чем просто игнорировать его, насколько это было возможно, и не позволять ему лишать нас удовольствия, говорит не в нашу пользу. Я думаю, молодая пара сто лет назад смогла бы сделать из этого нечто большее, даже если это была бы просто ночь любви, приправленная чувством опасности и растерянности. Мы не додумались до чего-то особенного и поехали в кабаре, поскольку никто не помешал нам сделать это: во-первых, потому что мы бы все равно это сделали, во-вторых, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Возможно, это выглядело очень хладнокровно и бесстрашно, но, вероятно, в этом было некое проявление слабости чувств, показывающее, что мы, хотя бы только в страдании, не были на высоте ситуации. Таков, если можно допустить подобное обобщение, один из ужасных признаков новейшей немецкой истории: у преступлений не было преступников, у страданий не было мучеников, все происходило, как будто в полусне, с тонкой, жалкой прослойкой чувств за объективно ужасными событиями: убийства совершались с настроением проделок глупых юнцов, самоуничтожение и моральная смерть воспринимались как мелкое досадное происшествие и даже физически мучительная смерть характеризовалась примерно как «не повезло». Однако за свое безразличие в этот день мы были вознаграждены, потому что случайность привела нас прямо в катакомбы, и это было второе достойное упоминания событие за этот вечер. Мы оказались в единственном общественном месте Германии, где нацистам оказывалось своего рода сопротивление — мужественно, остроумно и элегантно. Утром я увидел, как прусский верховный суд, традиции которого насчитывали многие сотни лет, был бесславно сломлен натиском нацистов. Вечером я увидел, как горстка берлинских актеров кабаре, не опираясь ни на какие традиции, со славой и грацией защищала честь своего народа. Верховный суд пал. Катакомбы выстояли.

Человека, который привел свой отряд к победе — потому что любое сохранение стойкости и выдержки перед лицом угрожающих убийством превосходящих

сил является своего рода победой — звали Вернер Финк. Этот маленький конференсье кабаре, без сомнения, занял свое место в истории Третьего рейха — одно из немногих почетных мест, которые можно там присудить. Он не выглядел героем, и если он, в конце концов, почти оказался им, это произошло вопреки его воле. Он не был революционным актером, едким насмешником, Давидом с пращой. Его внутренней сущностью были безобидность и любезность. Его шутки были мягкими, изящными, как танец, и легкими; его основными инструментами были двойной смысл и игра слов, в которых он со временем стал виртуозом. Он открыл нечто, что называли «скрытым юмором» и, конечно, чем дальше, тем более умело и тщательно он скрывал свои шутки. Но своих убеждений он не скрывал. Он оставался оплотом безобидности и любезности в стране, где именно эти качества подлежали полному уничтожению. И в этой безобидности и любезности, как «скрытый юмор», и заключалось подлинное, негибимое мужество. Он осмеливался показывать истинное лицо нацистов в самом центре Германии. В своих выступлениях он говорил о концентрационных лагерях, домашних обысках, всеобщем страхе, всеобщей лжи; в его насмешках над этим было нечто невыразимо тихое, щемящее и грустное, но одновременно — и необыкновенная сила утешения.

Вечер 31 марта 1933 года был, вероятно, самым великим в его жизни. В зале было полно людей, которые на следующий день словно смотрели в разверзшуюся перед ними пропасть. Финку удалось заставить их смеяться, и я никогда не слышал, чтобы публика так хохотала. Это был патетический смех, смех только что родившегося противостояния, оставившего позади состояние одурманенности и отчаяния, и опасность подпитывала этот смех, поэтому было почти чудом, что отряды СА уже давно не нагрянули сюда, чтобы арестовать всех присутствующих. Вероятно, в этот вечер мы бы еще посмеялись в зеленом фургоне. Неожиданно для себя мы поднялись выше опасности и страха.

